

Зарубежная философия: традиция и современность

УДК 1(091): 130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.234

Философский текст в контексте книжной культуры позднего Средневековья: анонимный «Трактат о Евхаристии»

А.В. Симонян

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

Статья посвящена исследованию анонимного немецкоязычного трактата о Евхаристии (XIV в.) в контексте книжной культуры позднего Средневековья. Особое внимание уделено его рукописной традиции, что позволяет глубже понять, как текст распространялся и воспринимался в эпоху широкого использования рукописных сборников. В ходе исследования было установлено, что в ряде рукописей трактат соседствует с сочинениями Майстера Экхарта, что подчёркивает его связь с немецкой философской мистикой. Также выявлено, что одним из центров рецепции и распространения текста был монастырь Тегернзее. Исследование позволяет уточнить историко-философский контекст трактата и определить его место в духовной и интеллектуальной жизни позднесредневековой Германии.

Ключевые слова: *средневековая философия, книжная культура позднего Средневековья, «Мистический трактат о мессе», «Трактат о Евхаристии», рукопись BSB, München, Cgm 89, мистическая теология, Майстер Экхарт, Николай Кузанский, Тегернзее.*

Исследователи средневековой мысли всё чаще обращаются к материальной истории текста¹. Необходимость такого подхода обусловлена спецификой книжной культуры эпохи, для которой наиболее распространенным типом книги были сборники. Комплексный анализ рукописных источников в сочетании с историко-философским подходом позволяет глубже понять контекст исследуемого сочинения – как на локальном уровне, определяемом структурой конкретной рукописи, так и на более широком, связанном со средой его рецепции. В настоящей статье рассматривается один из текстов позднего Средневековья, типичных в этом отношении – анонимный компилятивный немецкоязычный трактат о Таинстве Евхаристии, сохранившийся в ряде рукописных сборников XIV–XV вв.

¹ См.: Исследовательский проект «Циркуляция знания в Средние века» (CiSaMe Project, Circulation of Knowledge in the Middle Ages, 2022–2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://anr.fr/en/funded-projects-and-impact/funded-projects/project/funded/project/b2d9d3668f92a3b9fbbf7866072501ef-2a581b2b08/> (дата обращения – 11.10.2025); сборник, объединяющий исследования о книге как культурном и материальном носителе знания: [17]; монография А. Вествелла демонстрирует, как рукописная традиция и изучение историко-культурного контекста могут переосмысливать значение текста: [18].

Прежде чем приступить к анализу самого трактата, целесообразно кратко остановиться на особенностях книжной культуры позднесредневековой Германии. Книжная культура этого времени тесно связана с общими изменениями культурной жизни и трансформацией читательской аудитории. Как отмечает Уильям Крапп, этот период характеризуется «демократизацией знания» (см. [19]): оно перестало быть прерогативой закрытых интеллектуальных сообществ, университетов или монастырей. Рост уровня образования, появление переводов Библии и философско-богословских сочинений на народные языки, живой интерес мирян к книгам свидетельствовали о значительном расширении читательской аудитории. Одновременно с этим менялись и способы создания и распространения текстов: наряду с монастырскими скрипториями возникали городские мастерские, что способствовало более широкому проникновению письменной культуры в повседневную жизнь.

На этом фоне особое место занимали сборники, объединявшие произведения разных жанров и авторов, часто выполненные несколькими писцами. Такие манускрипты могли представлять собой как целостные произведения, так и результат постепенного объединения отдельных тетрадей², созданных в разное время. Рукописные сборники предназначались преимущественно для частного чтения и обычно имели компактный формат. Как отмечает Николай Бондарко, причины такого объединения были разнообразны: от функционального назначения сборника до социального статуса заказчика, стоимости книги или условий хранения [1, с. 7–8].

Структура кодекса формировала особую «логику чтения», при которой соседство произведений создавало определённые интерпретации, естественные для средневековой аудитории, но воспринимаемые современным исследователем как неочевидные при анализе текста в изоляции. Так, например, в кодексе BSB, München, Cgm 7962 (2-я пол. XIV в.) фрагмент трактата Аристотеля «О душе» помещён среди астрологических текстов³, а сборники проповедей Таулера включали большое число проповедей Экхарта, поскольку для читателей и переписчиков того времени взгляды этих мыслителей были практически не различимы [3, с. 15].

Принцип соединения разнообразных текстов в сборниках проявлялся не только в их внешней структуре, но и в самих текстах. В позднем Средневековье широкое распространение получили так называемые «мозаичные трактаты» [16, S. 22], объединяющие воедино фрагменты разных текстов, а иногда и целые трактаты. В одних случаях такая компиляция носила почти технический характер и сводилась к механическому соединению отдельных фрагментов; в других она

² В средневековой рукописи тетрадь — это базовая конструктивная единица кодекса, состоящая из нескольких листов пергамента или бумаги, сложенных и сшитых вместе. Листы складывались определённым образом: в формате «folio» один лист даёт 2 листа (4 страницы), в формате «quarto» один лист складывается дважды и образует 4 листа (8 страниц), а в формате «octavo» лист складывается трижды и даёт 8 листов (16 страниц). Сложенные в стопку листы образовывали тетрадь, у которой сохранялась собственная последовательность страниц. Тетради сшивались, формируя последовательность страниц и структуру кодекса. См.: [7].

³ Рукопись München, Staatsbibl., Cgm 7962 (2-я пол. XIV в.). См.: описание рукописи в онлайн-базе «Marburger Repertorium»: <https://handschriftencensus.de/5863>

превращалась в практику создания нового текста, объединяя разнообразные фрагменты в осмысленную структуру, превращая их в цельное произведение.

Таким образом, книжная культура позднего Средневековья задавала особый способ существования текста: его смысл формировался не только авторским замыслом, но и рукописным окружением, в котором он передавался. Это в полной мере относится и к анонимному «Трактату о Евхаристии», к рассмотрению которого я теперь и обращаюсь.

«Трактат о Евхаристии» является малоизученным⁴. анонимным произведением, которое до настоящего времени остается не изданным. В силу малой изученности сочинения информация о списках не систематизирована. В онлайн-базе «Marburger Repertorium»⁵ отсутствуют перекрестные ссылки, позволяющие установить, что это копии одно и того же текста.

Трактат представляет собой первую часть двухчастного теоретико-практического сочинения литургической тематики. Вторая часть которого – вольный перевод (пересказ) двойного трактата Альберта Великого «О мессе» (см. [9]). Сочинение не имеет названия (ни в одной рукописи текст не озаглавлен). В различных каталогах трактат упоминается под разными названиями. В каталоге Баварской государственной библиотеки текст фигурирует под названием «Мистический трактат о мессе и ее действиях в любящей душе» («Mystischer Traktat über die Messe und ihre Wirkungen in der minnenden Seele»). В каталоге немецких рукописей Катрин Шнайдер трактат разделён на два самостоятельных текста: первая часть зарегистрирована под названием «Мистический трактат о Таинстве Алтаря» («Mystischer Traktat vom Altarsakrament»), вторая – «Толкование мессы» (Der Meßtraktat) [13, S. 312].

В настоящем исследовании речь пойдет о первой части сочинения – о «Трактате о Евхаристии».

Несмотря на то, что центральной темой текста является значение Таинства Причащения для христианина, трактат можно рассматривать и как философское произведение. Его основная идея заключается в осмыслении пути человеческой души к Богу. Рассуждение выстраивается на основе онтологического учения, во многом опирающегося на неоплатоническую модель иерархии бытия: всё творение истекает из Бога (или, точнее, из «Божественности» – *gottheit*), Христос предстает как Ум Троицыного Бога, в котором заключены логосы всего сущего. Все дальнейшие размышления автор развивает, исходя из этой модели. Таким образом, в трактате речь идёт о воссоединении души с Богом через Христа, осуществляющемся в литургическом Таинстве. Сочинение затрагивает вопросы философской антропологии: автор обращается к устройству человека, прежде всего его души, исследуя, что в человеческой природе делает возможным соединение с Богом, и анализирует процесс духовного преображения человека в момент этого единения. Философско-теоретическая база трактата опирается на широкий круг источников. Автор привлекает цитаты и парафразы из сочинений Аристотеля и его комментаторов, Фомы Аквинского, Августина, Боэция и Псевдо-Дионисия

⁴ Текст упоминается в следующих исследованиях: [4, S. 190–193; 6, S. 147, 149; 8, S. 689; 9, S. 27–28].

⁵ Онлайн-база, содержащая данные о всех известных немецкоязычных рукописях Средневековья (750–1520 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://handschriftencensus.de>.

Ареопагита. Кроме того, в тексте явно прослеживается влияние Майстера Экхарта, которое будет рассмотрено подробнее далее.

Чтобы глубже понять, какое место трактат занимал в книжной и интеллектуальной культуре эпохи, обратимся к его рукописной традиции. На сегодня известно пять позднесредневековых манускриптов, сохранивших сочинение, а именно: пергаментный кодекс третьей четверти XIV в. Cgm 89, BSB (S.1–149), три рукописных сборника третьей четверти XV в., принадлежавших монастырю Тегернзее: Cgm 851, BSB (27v–179r), Cgm 778, BSB (3 r–32 v) и Cgm 839, BSB (32v–116 v), а также манускрипт BSB Cgm 4373, созданный предположительно ок. 1500 г. в аббатстве Медингена (Бавария). Фрагменты данного текста содержатся также в рукописи Breslau/Wrocław, Universitätsbibl., Cod. I F 773, (56ra–164rb; 164v–165r), датированной 1409 г.

Самым ранним из сохранившихся списков «Трактата о Евхаристии» является **рукопись BSB, München, Cgm 89** (старая сигнатура Nr. 1387)⁶. В каталоге Баварской Государственной Библиотеки рукопись зарегистрирована под названием «Мистический трактат о мессе и ее влияниях на любящую душу». Это небольшой пергаментный кодекс формата in octavo (165 × 106–110 мм), переплетённый в гладкую красную кожаную обложку XIV в. На переплёте сохранились следы металлических застёжек. Рукопись содержит 73 листа (146 страниц по новой пагинации), но значительная часть листов во второй части манускрипта (около половины) утрачена.

Точное место создания и датировка рукописи нигде не засвидетельствованы. Ее происхождение реконструируется исключительно по кодикологическим и палеографическим признакам. На основании характеристик шрифта, материала и оформления кодекса, языка исследователи относят рукопись Cgm 89 примерно к 1375 г., а в качестве наиболее вероятного региона происхождения указывают Баварию. Текст написан на баварском диалекте двумя писцами: первая рука работала над л. 1–54, вторая – над л. 55–73.

Содержание кодекса охватывает два основных текста: «Трактат о Евхаристии» (л. 1v–57v) и Толкование мессы (на основе текста Альберта Великого) (л. 58v–73v). В литургическое толкование также включено духовное стихотворение (л. 60v–61r) [5, S. 276].

Оформление рукописи не было завершено: внутри текста оставлены места для небольших инициалов.

К графическим особенностям рукописи можно отнести также маргинальные записи – пробы пера, сделанные предположительно в XV в. Содержание записей следующее:

На передней крышке кодекса: латинское двустишие «sompnia ne cures nam mens humana quid optat, Dum vigilat». (Не относись к снам всерьёз; ибо человеческий формулирует, чего желает, пока бодрствует...).

Начало короткой деловой записки: «Zem dinst wist lieber herr ich laz euch wissen daz ich wol mag» (В службе Вам, дорогой господин, довожу до Вашего сведения, что я охотно...).

C. 72: «Ich adelhart loykart von Snewzkart bekenn offenleich mit dem brieff alls von solcher zuspruch wegen So ich gehabt hab zu der erbarn» (Я, Адельхарт

⁶ Наиболее подробное описание рукописи приведено в каталоге Иоганна Шмеллера. См.: [11, S. 983–986]. Дополнительные сведения содержатся в каталогах: [10, S. 158–159].

Лойкарт из Шнойцкарта, открыто признаю настоящим письмом относительно того согласия, которое я получил ...).

С. 73: «Nota das ich Lienhart» («Примечание: я, Линхарт).

С. 98: «Mein frewntlichen dinst zuuor⁷ lieber Swager als ir mir dy hosen geschickt habt dy sein mir» (Прошу принять мои дружеские приветствия, дорогой шурин. Поскольку вы прислали мне эти штаны, они теперь мои...).

С. 146: «Ich Johannes Schonnstain» (Я, Иоганн Шоннштайн).

По содержанию записей можно предположить, что рукопись циркулировала среди мирян и находилась в руках человека, осваивавшего латынь. Об этом свидетельствует запись двустушия: «Somnia ne cures; nam mens humana, quod optat // Dum vigilat, sperat; per somnum cernit id ipsum» («Не относись к снам всерьез; ибо человеческий ум формулирует, чего желает // Будучи бодрствующим, через сон познает сам себя»). Это начало одного из двустуший Катона, широко использовавшихся в Средние века как пособие для изучения латинского языка.

Текстологические особенности Cgm 89 также важны для понимания её природы. Рукопись содержит значительное количество ошибок, характерных для переписанных текстов: повторов, дублирования отдельных мест, перестановки пассажей и пропусков слов. Такой характер ошибок указывает на то, что Cgm 89 не является автографом. Диалектные особенности текста позволяют предположить, что образец для данного списка происходил не из баварского региона. В основном тексте присутствует дифтонгирование, хотя отдельные слова или фрагменты написаны без дифтонгов.

Небольшой формат рукописи (in octavo) позволяет предположить, что Cgm 89 создавалась для индивидуального чтения. Явные следы обращения свидетельствуют о её регулярном использовании. Вместе с тем отсутствие страниц и пробы пера указывают на то, что со временем рукопись утратила для владельцев свою ценность.

Совсем другое отношение к сочинению демонстрируют более поздние списки. Особый интерес представляют копии текста, принадлежащие монастырю Тегернзее – (Cgm 778 и Cgm 839). Это хорошо изученные рукописные сборники, составившие коллекцию первых немецкоязычных томов монастырской библиотеки.

Монастырь Тегернзее был одним из ведущих интеллектуальных центров южной Германии в позднем Средневековье и известен тесными связями с гуманистическим движением. В 1426 г. Тегернзее стал центром так называемой Мелькской реформы⁸ и, находясь в тесном контакте с Венским университетом, активно участвовал в распространении философско-богословских текстов на

⁷ «meinen freundlichen gruß, dienst zuvor» – формульная подпись в деловой переписке, встречающаяся с XV в. См.: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, Neubearbeitung (²DWB) (online) URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb2/allerfreundlichst> (дата обращения – 04.02.2024).

⁸ Мелькская реформа — движение в бенедиктинских монастырях Австрии и Южной Германии конца XIV – начала XV вв., направленное на возвращение к строгому соблюдению устава святого Бенедикта, укрепление монастырской дисциплины, централизацию управления и расширение образовательной деятельности. Название происходит от монастыря в г. Мельке (Нижняя Австрия), где реформа началась и затем распространилась по немецкоязычным южным землям.

народных языке. Как замечет Кристиан Бауэр, до середины XV столетия в аббатстве не было ни одной немецкоязычной книги, однако «в последующий период интерес к текстам на народных языках возрос настолько, что к концу века в Тегернзее насчитывалось более сотни рукописей и старопечатных книг на народном языке» [6, S. 2]. Благодаря исследованиям Бауэра известно, что рукописи Cgm 778 и Cgm 839 не только вошли в коллекцию немецкоязычных кодексов, но и в своей основе были созданы в скриптории монастыря [6, S. 147–148].

Теперь перейдём к более детальному рассмотрению каждого кодекса. **Рукопись BSB München Cgm 778⁹** – это бумажный сборник, насчитывающий 157 листов (формат: 21,4 × 15 см). Основная его часть была создана в скриптории монастыря Тегернзее. Основной корпус рукописи (части I–II) датируется третьей четвертью XV в., третья часть была подшита к основному корпусу позже, хотя сами тетради, составляющие ее, написаны около 1400 г. Язык всего кодекса в основном среднебаварский, однако в первой части содержатся тексты с элементами средненемецкого языка, что, вероятно, отражает особенности оригинала, с которого был сделан список.

Cgm 778 объединяет мистическую, аскетическую и дидактическую литературу. Рукопись включает трактат Майстера Экхарта «Об отрешенности», фрагмент проповеди Иоганна фон Штернгассена, ряд текстов так называемого анонима из Тегернзее («Tegernseer Anonymus») среди которых евхаристический трактат, духовные письма и наставления (в том числе «Послание к монахиням» (98r–99v)). Также кодекс содержит компиляцию на основе сочинений Жана Жерсона, переводы Иоганна Кека (ум. 1450 г.), тексты Иоганна фон Индерсдорфа (1382–1470), толкования библейских текстов. Третья часть рукописи включает светские и учебные тексты.

«Трактат о Евхаристии» расположен в начале кодекса (3r–32v), за ним следует трактат Майстера Экхарта «Об отрешенности», затем фрагмент, приписываемый Иоганну фон Штернгассену и затем еще один анонимный евхаристический трактат. Появление этих трех текстов рядом, как считает Бауэр, было продумано, поскольку, как показывает кодикологический и палеографический анализ манускрипта, первые десять тетрадей рукописи (т. е. до л. 120) создавались «в одном потоке», как законченный блок. Как полагает Бауэр, объединяющим элементом для этих текстов выступает схожая по характеру духовность [6, S. 149].

Рукопись BSB München Cgm 839¹⁰ – более поздний малоформатный бумажный сборник, насчитывающий 257 листов. Сборник составлен из пяти отдельных тетрадей. Части I, III и V датируются последней четвертью XV в., часть II – второй половиной XV в., а часть IV – 1427 г. Язык рукописи преимущественно среднебаварский, за исключением второй части, содержащей тексты на восточно-швабском диалекте.

Перепплет Cgm 839 содержит тексты евхаристической тематики различных жанров. Рукопись строится вокруг тематических блоков. Первая часть включает «Трактат о Евхаристии», перевод фрагмента «Мистической Теологии» Гуго де Бальмы, выполненного Бернардом Вагингом [6, S. 148] (116r–136v), трактат «Об отрешенности» Майстера Экхарта, текст Иоганна Штернгассена. Вторая часть

⁹ Описание рукописи см.: [13, S. 310–317].

¹⁰ Описание рукописи см.: [13, S. 565–571].

посвящена теме страстей Христовых и содержит «Трактат о Страстях» Генриха Санкт-Галленского (157г–181г). Третья часть объединяет проповеди Таулера (183г–198г). Четвертая часть – это немецкий перевод «Беседы с Марией о страстях» Ансельма Кентерберийского (199г–230г), наконец, пятая часть – еще один Трактат о Евхаристии (231г–234г) и молитвы ко Причастию (234v–237г)

Об истории происхождения этого сборника Бауэр пишет следующее: рукопись Cgm 839 «также была в значительной степени создана в Тегернзее. <...> История её создания довольно хорошо прослеживается: три тетради второй и четвёртой частей рукописи, содержащие “Трактат о страстях” Генриха Санкт-Галленского (л.157^r–181^v) и немецкий текст “Беседы с Марией о страстях” Псевдо-Ансельма Кентерберийского (л.199–230) были неизвестным образом доставлены в монастырь Тегернзее. В 1487 г. монах-мирянин брат Йодокус написал 14 тетрадей рукописи, которые вошли в первую часть кодекса; содержательно это были главным образом тексты и молитвы евхаристической тематики» [6, S. 148].

«Трактат о Евхаристии», как можно видеть, находится в первой части рукописи, и так же, как и в рукописи Cgm 778, занимает место рядом с трактатом Майстера Экхарта «Об отрешенности» и текстом Иоганна фон Штернгассена. Т. е., как можно видеть, в обеих рукописях трактат появляется в одном и том же окружении, как часть текстологического «триптиха». Однако в отличие от списка Cgm 778, здесь этот триплет дополнен фрагментом перевода трактата «Theologia mystica» («Мистическая теология») ¹¹ Гуго де Бальма.

Бауэр предполагает, что тексты Экхарта и Штернгассена «выбиваются» из общей тематики сборника Cgm 839 и оказались в нём лишь потому, что переписчик воспроизводил порядок и структуру утраченного оригинала, который был тот же, что и для Cgm 778. Сопоставляя структуру двух кодексов, Бауэр приходит к заключению, что текстовый «триптих» с трактатом Майстера Экхарта «Об отрешённости» выполняет принципиально разные функции в каждой из рукописей. В Cgm 778 он встроен в единый, цельно продуманный мистический корпус, объединённый общей духовной тематикой. В Cgm 839 тот же триплет текстов включён в сборник, представляющий собой собрание разножанровых и разнофункциональных материалов для благочестивого чтения, объединённых темой Евхаристии. Таким образом, один и тот же текстовый блок в зависимости от структуры кодекса служит различным задачам.

С одной стороны, с Бауэром трудно не согласиться. С другой стороны, при внимательном прочтении «Трактата о Евхаристии» становится очевидно, что анонимный трактат и текст Экхарта связаны гораздо глубже, чем это следует из простого соседства в рукописи.

Как уже упоминалось, «Трактат о Евхаристии» представляет собой компилятивное произведение, включающее многочисленные заимствования и цитаты из различных источников. Помимо явных ссылок, в нём присутствуют и скрытые заимствования. Влияние Майстера Экхарта на анонимного автора, как показывает теологический анализ, была значительно. Идеи анонима во многом созвучны экхартовскому учению, вопреки тому, что в тексте не используется

¹¹ Это сочинение известно также под названиями: «De Theologia Mystica», «De Triplici Via», а также «Viae Syon Lugent» (по первым строкам трактата) и представляет собой комплексное изложение мистического богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита.

специфическая терминология мистика, а именно такие понятия, как «отрешённость» (*abgescheidenheit*), «прорыв» (*durchbruch*) или «искра души» (*vünglein*). Тем не менее, философско-богословские идеи трактата не только близки положениями доктрины доминиканца, но и содержат прямые заимствования из его немецких и латинских сочинений¹². В «Трактате о Евхаристии» идентифицируются ключевые элементы философско-богословской программы Экхарта, а именно: учение о рождении Бога в душе, учение об отрешённости и приоритете «внутреннего человека» над «внешним», а также схожая онтологическая модель, опирающаяся на идею эманации.

В текстах Экхарта нет такого акцента на роль церковного Таинства в жизни христианина (по крайней мере, до нас не дошло трудов Экхарта, которые были бы посвящены непосредственно Таинству Причащения). Это отличие имеет последствия для понимания его ключевых концепций – рождения Бога в душе, структуры души, степени причастности творения Богу. И все же, несмотря на эту особенность «Трактат о Евхаристии» явно относится к сочинениям из кругов Экхарта¹³. Именно поэтому соседство «Трактата о Евхаристии» с текстами Экхарта в рукописях Cgm 778 и Cgm 839 не является случайным. И можно предположить, что в утраченном для этих списков оригинале анонимный трактат и трактат «Об отрешённости» воспринимались как тематически и концептуально единое целое.

Эта гипотеза, по-видимому, находит подтверждение и в списке **BSB München Cgm 4373**¹⁴. Несколько подробнее о нем: рукопись Cgm 4373, представляет собой бумажный кодекс форматом 20,7 × 15,5 см, состоящий из 284 листов и созданный около 1500 г. Входящие в кодекс тексты написаны на восточно-швабском диалекте, а писец, хотя и не указан, предположительно принадлежал доминиканскому монастырю Медингена (*Kloster Maria Medingen*)^[6, S. 148]. Возможно, текст написан сестрой Элизабет Сигартин, которая также написала текст, входящий в кодекс из Медингена (*Augsburg UB Cod. III.1.8° 20, л. 39r–62r*)¹⁵.

Содержание кодекса Cgm 4373 отражает интерес его составителя к мистической и назидательной литературе. «Трактат о Евхаристии» (147r–202r) расположен непосредственно после сочинения «*Lehrsystem der Deutschen Mystik*» («Система учения немецкой мистики») (2r–146v), переведённого на швабский диалект. После трактата следуют мистические и философско-богословские тексты: «*De triplici via*» Бонавентуры (202r–226r), толкование «*Magnificat*» (255r–269v), трактат «О благодати» по Майстеру Экхарту (237v–238r) и «*Von der geistlichen Wirtschaft*» («О духовном домостроительстве», 269v–278v). Таким образом, «Трактат о Евхаристии» в составе данного манускрипта встроен не в литургический, а в философско-мистический контекст, в том числе тексты, связанные с учением Экхарта.

¹² Подробно я исследую этот вопрос в статье «*Eckhartzitat als "locus communis" im Kontext einer mystischen Messerklärung*». См.: [15].

¹³ На это указывает И. Бах. См.: [4, S. 190].

¹⁴ Описание рукописи см.: Schneider K. *Die deutschen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek München. Die mittelalterlichen Handschriften aus Cgm 4001–5247. (Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Monacensis V,7)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 93–94.

¹⁵ См.: Schneider K., *Deutsche mittelalterliche Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg: die Signaturengruppen Cod. 1.3 u Cod. III. 1*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988, S. 462–463.

Наконец, еще одна рукопись, сохранившая трактат, – это рукописный многостраничный кодекс **BSB München Cgm 851**¹⁶. Этот сборник также принадлежал монастырской библиотеке Тегернзее. Рукопись датирована 1402 г. и написана на среднебаварском диалекте. Содержательно Cgm 851 представляет собой собрание религиозных, мистико-аскетических и нравственно-поучительных текстов различных жанров. В этой рукописи трактат сохранился полностью – т. е. в ней представлены обе части произведения: и трактат о Евхаристии (л. 27v–84r), и толкование мессы (л. 84r–179r), опирающееся на сочинение Альберта Великого. Начало толкования мессы, как и в Cgm 89, выделено как самостоятельный текст (маркировано небольшим инициалом).

Происхождение данного сборника остаётся неизвестным, однако известно, что он был подарен монастырю Тегернзее горожанкой Мюнхена Маргаретой Плумауэрин (в девичестве Гаммс) [13, S. 633–638]. Сведений о ней почти не сохранилось, но известно, что женщина поддерживала тесную связь с монастырём Тегернзее. В 1480-е гг. Маргарета жила вместе с Анной Айхштёкин в доме на Риндермаркт в Мюнхене, что подтверждается налоговыми книгами 1482 и 1486 гг. Обе женщины входили в круг образованных мирян, интересовавшихся духовной литературой. В 1488 г. Маргарета передала монастырю как минимум две рукописи: Cgm 851 и Cgm 814, созданную в 1478 г. в Тегернзее тем же писцом, что и Cgm 839. Маргарета вернула Cgm 814 обратно в монастырь, вероятно, руководствуясь памятью о происхождении книги. Анна Айхштёкин владела кодексом Cgm 813¹⁷, который в 1495 г. который так же вернула монастырю «во славу Божью и во спасение ее души» (got ze lob und ir sel bayl dem Closter sant kürein ze Tegernsee). Упомянутый выше сборник Cgm 778, как полагает Бауэр, вероятно, создавался для этого круга, однако по неизвестным причинам не достиг своих получательниц [6, S. 150–151].

Таким образом, можно заключить, что одним из центров рецепции и распространения «Трактата о Евхаристии» был монастырь Тегернзее. Однако помимо того, что Тегернзее был важным интеллектуальным центром для баварского региона в позднем Средневековье, в историю философии он вошел благодаря еще одному факту: именно для монахов этой обители Николаем Кузанским был написан трактат «О видении Бога» (см.: [2]).

Предыстория появления трактата такова. В середине XV в. монастырь Тегернзее оказался в центре оживлённых дискуссий, связанных с учением Псевдо-Дионисия Ареопагита. После назначения папским легатом 1451 г. Николай Кузанский активно занимался реформированием монастырей и участвовал в богословских полемиках, связанных с обсуждением мистической теологии. Кузанец состоял в переписке с приором Тегернзее, Бернардом Вагингом, который разделял его идеи и даже «обязал своих бенедиктинцев, по уставу ордена занимающихся умственным трудом, читать Николая Кузанского, который стал их любимым автором» [2]. Последователем Николая Кузанского был также и аббат монастыря Гаспар Айндорфер (с 1426 по 1461 г.).

¹⁶ Описание рукописи см.: [13, S. 633–638].

¹⁷ Кодекс содержит перевод проповеди Бернарда Клервосского на «Песнь песней», выполненный и собственноручно записанный Бернардом фон Вагингом для круга, включавшего Анну Айхштёкин. Переводы Бернарда фон Вагинга хорошо известны и создавались для духовных женских сообществ Мюнхена и Зальцбурга. См.: [6, S. 150].

После краткого, но важного визита кардинала в Тегернзее летом 1452 г. Гаспар Айндорфер обратился к Николаю Кузанскому с письменной «просьбой текстов, книг и “сжатого изложения” таинственного богословия, в свете дискуссии о том, можно ли одной любовью без интеллектуального постижения подняться к Богу, единиться с Ним» [2]. В письме от 22 сентября 1452 г. Николай Кузанский, ссылаясь на занятность, ответил кратко: что одной любви без знания недостаточно.

В 1453 г. дискуссия получила новый импульс после появления в монастыре трактата картезианца Винцента из Аггсбаха. Винцент составил трактат о мистической теологии и в июне 1453 г. передал его в различные монастыри. Своим письмом он пытался убедить, что мистическое восхождение возможно «без сопутствующего размышления» («sine cogitatione concomitante»). По его мнению, разум не имеет решающего значения в таинственном богословии, а путь к Богу проходит вне понятий и рассудка, в чистом аффекте и любви. Эти идеи привели братьев Тегернзее в замешательство, и они обратились к Николаю Кузанскому с письменной просьбой прояснить этот вопрос. В ответ на их просьбу Николай Кузанский составил достаточно подробное письмо, в котором изложил свою позицию по вопросу о мистической теологии Псевдо-Дионисия, указав на заблуждения, возникающие при чрезмерном следовании обеим крайностям. В письме, обращенном к братии, кардинал пишет, что движение к Богу требует внутреннего усилия, а не чувственной пассивности: «Тот, кто хочет подняться к Богу, должен двигать вверх самого себя. Это движение хотя и идет в совершенно неизвестную ему область, стремится, однако, к единению с искомым, тоже неизвестным» [2]. В этом же письме Николай Кузанский прямо объясняет, что выражение «без знания» совершенно неверно понимать, как исключение интеллекта. Наоборот, речь идет о его высшем напряжении ума, когда он достигает своих пределов. Это состояние, в котором разум, исчерпав все свои возможности, вступает в сферу, где прежние категории – быть и не быть, утверждение и отрицание – перестают применяться. Это и есть божественный мрак; мрак не потому, что Бог недоступен, а потому что Его свет настолько превосходит ум, что для нас он становится ослепляющей темнотой.

В связи с этим Николай Кузанский предлагает такое определение мистического богословия: *«по моему мнению, вся таинственная теология есть вхождение в абсолютную бесконечность. Бесконечность есть сочетание противоположностей. Никто не может таинственно увидеть Бога вне мрака сочетания (coincidentie), которое есть бесконечность»* [2]. «В восхищении, – как пишет Николай Кузанский в письме 1452 г., – многие обманываются, и воображаемое видение (visionem phantasticam) полагают истинным» [2]. Подлинная мистическая теология требует не отрицания разума, а его просветления. «В конце письма Николай Кузанский обещает прислать монахам трактат “О видении Бога”, когда закончит его и найдет художника, способного сделать нужную для созерцания божественного всевидения икону» [2].

Поскольку детальное сопоставление идей «Трактата о Евхаристии» с воззрениями Николая Кузанского выходит за рамки данной статьи, моя цель здесь заключается лишь в том, чтобы показать, как анализ среды восприятия трактата позволяет глубже понять его ключевые идеи и рассмотреть их в более широком интеллектуальном контексте.

Кульминационный раздел «Трактата о Евхаристии» построен как толкование Апокалипсиса Иоанна (Откр 12 1; 3–4). В нем душа описывается как Жена, облаченная в Солнце, на голове которой сияет венец из 12 звезд. Анонимный автор предлагает интерпретировать этот образ так: Жена, объятая светом – это душа в таинстве Евхаристии, разум которой просветлен; венец из звезд на ее голове – Божественный свет, распавшийся на 12 лучей, первые три звезды передают свет Трех Лиц Троицы, девять других соответствуют ангельским чинам божественной иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита. Высшей точкой единения души с Богом, согласно анонимному автору, является боговидение. Так, в трактате осуществляется синтез учения Псевдо-Дионисия Ареопагита и концепции интеллектуального единения души с Богом через просветление разума. На сегодня это единственно известный текст, предлагающий такую интерпретацию образа Жены, облеченной в Солнце.

Идеи просветления ума и единения души с Богом в акте созерцания, а также обращение к корпусу Ареопагитик, представленные в «Трактате о Евхаристии», приобретают особую значимость в контексте дискуссий о мистической теологии, которые велись в монастыре Тегернзее в XV в. Показательно, что сочинение появилось задолго до посещения обители Николаем Кузанским и создания им трактатов «Об ученом незнании» (1440) и «О видении Бога» (1453). Между тем интерес к анонимному «Трактату о Евхаристии» в монастыре проявляется лишь несколько десятилетий спустя. Эти факты позволяют расширить историко-философский контекст исследования текста.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что рукописная традиция анонимного «Трактата о Евхаристии» раскрывает важные сведения об истории текста и его восприятии. Существование нескольких списков свидетельствует о значительном интересе к сочинению по меньшей мере на протяжении двух столетий, а анализ кодикологических характеристик – положения в кодексах, соседства с другими произведениями, маргиналий и следов использования – позволяет глубже понять практику чтения и восприятие текста современниками. Совмещение трактата в ряде сборников с произведениями Майстера Экхарта подтверждает его принадлежность к традиции немецкой философской мистики, а рецепция и распространение в монастыре Тегернзее, одном из ведущих интеллектуальных центров Южной Германии, отражает соответствие сочинения интеллектуальным тенденциям обители.

Всё это позволяет рассматривать трактат как часть книжной культуры своей эпохи, в которой богословские и философские идеи существовали через практики чтения, комментирования и передачи, формируя интеллектуальное наследие таких центров, как Тегернзее, и интегрируясь в более широкий контекст философской мысли позднего Средневековья.

Список литературы

1. Бондарко Н.А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб.: Наука, 2014. 674 с.
2. Николай Кузанский. Письмо 1453 г. к аббату и братьям в Тегернзее о таинственной теологии Дионисия Ареопагита (пер. А.Ф. Лосева) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Losev/pismo-

nikolaja-kuzanskogo-ot-1453-g-k-abbatu-i-bratjam-v-tegernzee-napisannoe-po-povodu-tainstvennoj-teologii-dionisija-areopagita/ (дата обращения – 16.11.2025).

3. Таулер И. Царство Божие внутри нас. Проповеди Йоханна Таулера / пер. И. Прохоровой. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. 288 с.
4. Bach J. v. Meister Eckhart, der Vater der deutschen Speculation: ein Beitrag zu einer Geschichte der deutschen Theologie und Philosophie der mittleren Zeit. Wien: W. Braumüller, 1864. 243 S.
5. Banga J. J. Geistliche Gedichte // Anzeiger für Kunde des deutschen Mittelalters. 1833. Bd. 2. S. 266–292.
6. Bauer C. Geistliche Prosa im Kloster Tegernsee. Untersuchungen zu Gebrauch und Überlieferung deutschsprachiger Literatur im 15. Jahrhundert (MTU, 107). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. 305 S.
7. Bookbinding Terms, Materials, Methods, and Models / Yale University Library, Department of Conservation and Library Binding. [Электронный ресурс]. URL: <https://docslib.org/doc/1607112/medieval-early-modern-manuscripts-bookbinding-terms-materials-methods-and-models> (дата обращения – 01.12.2025).
8. Franz A. Die Messe im deutschen Mittelalter: Beiträge zur Geschichte der Liturgie und des religiösen Volkslebens. Freiburg i. Br.: Herder, 1902. 770 S.
9. Illing K. Alberts des Grossen «Super Missam» – Traktat in mittelhochdeutschen Übertragungen: Untersuchungen und Texte (MTU 53). München: Beck, 1975. 265 S.
10. Petzet E. Die deutschen Pergament-Handschriften Nr. 1–200 der Staatsbibliothek in München (Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Monacensis V,1). München, 1920. 381 S.
11. Schmeller J. A. Catalogus codicum manuscriptorum germanicorum (BSB: Cgm Cat. 55(3)). München, 1830.
12. Schneider K. Deutsche mittelalterliche Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg: die Signaturengruppen Cod. I.3 u. Cod. III.1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 875 S.
13. Schneider K. Die deutschen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek München. Cgm 691–867 (Manuscripta Mediaevalia, Handschriftenkataloge). Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. 868 S.
14. Schneider K. Die deutschen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek München. Die mittelalterlichen Handschriften aus Cgm 4001–5247. (Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Monacensis V,7). Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. 735 S.
15. Simonian A. Eckhartzitat als «locus communis» im Kontext einer mystischen Messerklärung // Meister-Eckhart-Jahrbuch. 2022. Bd. 16. S. 273–298.
16. Spamer A. Über die Zersetzung und Vererbung in den deutschen Mystikertexten. Gießen: Druck der Buchdruckerei Hohmann, 1910. 312 S.
17. Uhlmann G. (Hrsg.) Wissen und Buchgestalt. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. (Episteme in Bewegung. Beiträge zu einer transdisziplinären Wissensgeschichte. Bd. 26). 402 S.
18. Westwell A. Roman Liturgy and Frankish Creativity: The Early Medieval Manuscripts of the Ordines Romani. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2024. 300 pp.
19. Williams-Krapp W. Geistliche Literatur des späten Mittelalters. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. 327 S.

**Philosophical text in the context of medieval book culture. A case study:
the anonymous «Treatise on the Eucharist»**

A.V. Simonian

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

This article focuses on an anonymous 14th-century German-language treatise on the Eucharist within the framework of late medieval book culture. It pays particular attention to the manuscript tradition, shedding light on how the text was transmitted and received in a period marked by the widespread use of manuscript compilations. The study shows that in several manuscripts the treatise appears alongside the works of Meister Eckhart, highlighting its connection to German philosophical mysticism. It also identifies the Tegernsee Monastery as a key center for the reception and dissemination of the text, underscoring its role as an important intellectual hub in southern Germany. This research clarifies the historical and philosophical context of the treatise and situates it within the spiritual and intellectual life of late medieval Germany.

Keywords: *medieval philosophy, late medieval book culture, Mystical Treatise on the Mass, Treatise on the Eucharist, manuscript BSB, München, Cgm 89, mystical theology, Meister Eckhart, Nicholas of Cusa, Tegernsee.*

Об авторе:

СИМОНЯН Арина Владимировна – младший научный сотрудник сектора истории западной философии, ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: arina.smn@mail.ru.

Author information:

SIMONIAN Arina Vladimirovna – Junior Research Fellow at the Department of Western Philosophy of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: arina.smn@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 15.12.2025.